

Министерство культуры Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
**«КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»**

Филиал
«МУЗЕЙ ФРЕСОК ДИОНИСИЯ»

Научно-популярная статья
К вопросу изучения храмозданных жалованных грамот

Н.А. Чистякова

После Смутного времени в Русском государстве наблюдается расцвет каменного строительства, возводятся каменные стены городов, дома богатых людей, храмы.

В истории искусства существование канона для строительства православного храма представлялось очевидным. Эта точка зрения сложилась еще в XIX веке и сохраняется до настоящего времени [4, стр.160]. Историки архитектуры М.А. Ильин, Н.Н. Воронин, А.В. Иконников считали само собой разумеющимся наличие неких обязательных правил и нормативов, определявших облик православного (византийского, сербского, болгарского и русского) храма. Появление этих правил связывается исследователями с XVII веком.

В истории русской средневековой архитектуры единственным документом и письменным источником, имеющим прямое отношение к архитектурной регламентации и содержащим конкретные указания, определявшие каноничность форм того или иного храма, является так называемая «благословенная храмозданная грамота». Несмотря на очевидную важность этих грамот, они до сих пор остаются мало изученными. Исследователи архитектуры использовали этот документ только как вспомогательный. Грамоты упоминали лишь в связи с запретом шатрового строительства, при этом искусствовед И.Л. Бусева-Давыдова подчеркивает, что грамоты – единственный источник для изучения запрета шатрового строительства [4].

Причиной такого отношения было то, что довольно долго храм воспринимался исследователями древнерусской архитектуры в первую очередь как памятник архитектуры, а не как дом молитвы, в отрыве от православного богослужения. Во многом и часто это определялось тем, что от периода с XI по XVII век сохранилось очень мало гражданских построек, и церковная архитектура сохранилась значительно лучше и полнее гражданской. Например, по высказыванию К.К.Романова, «Совершенно естественно, что наиболее яркое свое выражение русское зодчество нашло в этот период в церковной архитектуре, так как все идеологические движения в эпоху средневековья всегда облекались

в церковную оболочку» [4, стр.174]. Храм ставился в один ряд с постройками другого рода, и вместе они были единым объектом изучения. При этом церкви составляли подавляющее большинство фигурировавших в исследованиях памятников, а также являлись наиболее многогранными и сложными среди них, как по конструкции, так и по внутреннему содержанию, чем особенно привлекали исследователей. Роль храмозданной грамоты как источника сводилась к минимуму, в первую очередь зависящего от церковной власти и, на первый взгляд, призванного только благословить строительство нового храма.

В XIX веке за храмозданными грамотами признавали только историческую ценность: благодаря храмозданным грамотам, выданным на строительство новых храмов в острогах Востока, можно изучать продвижение русских на Урал и в Сибирь [1].

Они не привлекались для отдельного исследования во многом из-за убеждения в их немногочисленности. Действительно, если представить, какой процент храмозданных грамот сохранился от общего их числа, то есть числа церквей, на которые они были выданы, становится очевидным, что их очень мало. Но все-таки их количество исчисляется не единицами, а сотнями. Это дает право на проведение исследования для выяснения их роли в развитии русской архитектуры.

Второе убеждение, препятствовавшее исследователям вплотную заняться храмозданными грамотами, это убеждение в их неизменяемости и однотипности. Отчасти это действительно так, и связано с наличием в грамотах структуры, характерной для юридических документов.

Храмозданные грамоты являются одним из источников для исследования регламентации церковной архитектуры. Прежде чем обратиться к тексту самих грамот, необходимо определить суть данного документа. Благословенная храмозданная грамота выдавалась на строительство храмов высшим церковноначалием как письменное благословение, сопровождающее или подтверждающее устное. Она являлась официальным документом, представляющим письменную фиксацию в законодательно-юридической форме благословения высшего свя-

щенноначалия (патриарха, архиепископа или митрополита) на строительство храма. Выдавалась она преимущественно в ответ на прошение или челобитную, подаваемую по указанию (нередки случаи, когда храмозданная грамота выдавалась в ответ на указ или повеление царя) от ходатайствующих о постройке нового храма (строителей, жертвователей или заказчиком). В отличие от жалованных и многих других грамот храмозданная, не требовала подтверждения при смене выдавшего ее архиерея, она была канонически-правовым свидетельством о «несамочинном» сооружении храма. Однако при перестройке храма требовалось обязательное сохранение грамоты, по крайней мере, до выдачи новой. При утере она должна быть восстановлена по особому челобитью. Например, в грамоте митрополита Новгородского Никона Соловецкому монастырю от 1651 года сообщается: «дана была благословенная грамота и антиминс. И та, де ...грамота утерялась, а антиминос до вас не дошел. И ты, де ту церковь...святил без нашей благословенной грамоты. И то ты делаешь не годно, впредь бы тебе, так не делать. И нам бы... велети б дать вновь вам, благословенная наша грамота впредь для утверждения» [4, стр.175]. В челобитной желающие построить храм должны были указать для этого веские причины. Чаще всего такими причинами являлось ветхое состояние уже существующего храма или его утрата. Отсутствие храма в большой округе, что «многие де помирают без покаяния и роженицы без молитв, а младенцы без крещения, и которому де человеку лучитцы в распутишное время умереть, и на погост де вести некуда, и многое время лежать наверх, бес погребения, и не отпеты» [4, стр.175]. Часто причиной строительства служил обет или обещание построить храм.

Храмозданная грамота – это документ с ясной структурой и довольно четкими формулировками и указаниями. Первые подробные благословения-грамоты датируются серединой XVI века (1554 год). Более ранние грамоты нам неизвестны, но однозначно связывать их с этим временем было бы не совсем верно. Естественно предположить, что храмозданная грамота не являлась единственной формой благословения, и что изустная его форма могла существовать

ко времени появления, письменной. Большинство ранних сохранившихся и обнаруженных храмозданных грамот относится к последней четверти XVI века. В них уже присутствуют ярко выраженные черты благословенной храмозданной грамоты, указаны наиболее важные условия для сооружения храма: это само благословение и обеспечение беспрепятственного получения материала для строительства. Но в тексте этих грамот нет указаний, которые хотя бы как-то регламентировали, облик постройки. К концу 1570 годов текст храмозданной грамоты становится более полным и определенным, приобретает более четкую структуру, хотя окончательная формулировка еще не сложилась. К 1590 годам в общих чертах складываются и формулировки, и четкая последовательность изложения, появляются новые добавления в содержании, фиксируется структура. Появляются и краткие указания, имеющие отношения к строительству, они связаны с местоположением храма и заготовкой материалов.

Другие более конкретные предписания, касающиеся и форм и устройства храма, появляются в грамотах в XVII веке. К этому же времени, точнее к началу XVII века, общая структура грамоты как документа уже полностью сложилась, и в течение почти трех десятилетий существовала практически без изменений. Литовское разорение и Смутное время не отразилось на содержании храмозданных грамот.

Грамота состоит из трех частей:

1) вступление, из которого ясно, какими соображениями руководствовались архиереи, удовлетворяя просьбу о выдаче документа, – это ссылка на челобитье или указ царя. Здесь же указывается, от кого дается грамота, то есть полное имя и титул выдавшего ее архиерея.

2) изложение: вступление часто неотделимо от изложения, сообщающего обстоятельства, вызвавшие подачу документа, чаще всего, это пересказ челобитной просителей, когда и кто «бил челом», и по какой причине требуется храмозданная грамота (с указаниями на обещания и обеты, царские указы);

3) распоряжение – самая существенная часть грамоты. Именно в ней содержатся самые важные указания. Именно здесь выделить само пожалование,

благословение и повеление готовить материалы, делать подготовительные работы, построить новую церковь, с наименованием посвящения церкви и приделов, а также указанием, особенностей постройки. Основные различия видны именно в этой части грамот различного времени, удовлетворяется просьба получателя, даются указания об устройстве и формах храма, о его посвящении и т.д.

Заканчивается грамота повелением по окончании строительства взять антиминсы, освятить церковь «по правилам Святых Апостолов и Святых Отцов» [4] и подписью, когда и где писана. Эта структура мало менялась до середины XVIII века, изменения касались только состава, характера и содержания указаний и распоряжений, составляющих основную ценность любой грамоты.

Указания, напрямую относящиеся к архитектурным формам и устройству храма, появляются в составе грамот в 1620-х годах. До 1650-х годов серьезных изменений в составе указаний храмозданных грамот не отмечается. Из важных для архитектурного облика храма присутствует только указание на строительство приделов не на «одном брусу» [4, стр.167].

Содержание и состав указаний грамоты меняется с 1653 по 1665 годы, во время патриаршества Никона и последующего межпатриаршества – до митрополита Сарского и Подонского Питирима. Появившись впервые в благословенных грамотах патриарха Никона в формулировке «и главы б на тое церкви и на пределех были б круглые, а не островерхие», оно уже к 1662 году принимает вид «и главы бы на той церкви и на пределе, были бы не шатровые»

[3, стр.167]. При сравнении указаний видно, что если ранее речь шла об островерхих главах, то позже говорится уже о шатровых главах. В случае такой трактовки под «островерхой» или «шатровой» главой могли подразумеваться маленькие шатры, поставленные на барабан, вместо обычной луковичной главы, что ярко иллюстрирует церковь Рождества Богородицы в Путинках (1649–1652), или Святые врата Ферапонтова монастыря (освящены в 1649 году). Именно такая глава воспринимается как глава, а не как шатер. Впоследствии,

вплоть до XVIII века, появившаяся в грамоте 1665 года формула «а верх на той церкви построить не шатровый» становится самой распространённой.

Наибольшей стабильности и в тоже время разнообразия состав распоряжений храмозданных грамот достигает во время патриаршества Иоакима (1674–1690). В это период резко сокращается количество грамот, лишенных указаний. Набор основных распоряжений, определившихся еще в 1660-х годах, становится обязательным, закрепляется и сохраняется на протяжении всего этого периода вплоть до первой четверти XVIII века. Этот своеобразный костяк распоряжений содержится практически во всех грамотах, и уже к нему добавляются новые указания в зависимости от посвящения, условий строительства храма и архиерея, выдающего грамоту.

С этого времени можно говорить о жесткой регламентации формы верха храма. Важно отметить изменчивость указаний. Содержание большинства из них находится в прямой зависимости от условий строительства, состава и посвящения строящегося храма и изменяется согласно им. Состав, формулировки и категоричность указаний зависят от личности архиерея, выдающего грамоту. При этом основной набор указаний остается постоянным и создает видимость централизованно установленных правил. Как известно, в большинстве случаев появление тех или иных распоряжений, исходящих из уст властей, определяется прецедентами, воспринимавшимися этими властями как нарушение общепринятых или долженствовавших существовать норм. Появление указаний о завершении храма свидетельствует о том, что высшее церковноначалие напрямую пыталось влиять на внешние формы церковного зодчества. Такие указания говорят о существовании нарушений, нуждающихся в исправлении. Естественно, они отличаются от указаний, исходящих от местного архиерея, устанавливающего правила в своей епархии, которые могли зависеть и от его личных вкусов, а также определяться местными архитектурными традициями

Храмозданная грамота становится инструментом церковноначалия для воздействия на формы и устройство православного храма, приведение их в со-

гласие с богослужением и представлением о соответствующем храмовом облике.

Некоторые распоряжения, присутствующие в составе храмозданной грамоты, стали восприниматься как обязательные, общие для всех местностей правила. Постепенно к XVIII веку в грамотах пропадают конкретные указания. Они заменяются общими фразами, а блок указаний храмозданной грамоты начинает восприниматься как незыблемые правила, написанные в каком-то определенном уставе. Но в храмозданных грамотах мы имеем дело не с каноном православного храма, и не с конкретным уставом, а с установленными высшим церковноначалием законами об устройстве и внешнем виде православного русского храма. Практически каждое из упомянутых выше указаний храмозданных грамот, в той или иной степени, значимо для формирования облика православного храма. Исследование канона и регламентации церковной архитектуры, требует рассмотрения церковного зодчества в неразрывной связи с его предназначением, с совершаемым в храме богослужением.

Храмозданные грамоты могут послужить исследователю опорным документом в изучении архитектурного облика храма, а в ряде случаев, и основным письменным источником в изучении истории освоения новых территорий России. Исследование указаний этих грамот в их непосредственной связи с архитектурными памятниками даст возможность ближе подойти к разгадке ряда явлений архитектуры XVII века.

В Ферапонтовом монастыре не сохранились ни письменные акты, ни данные, ни жалованные, ни отводные, ни купчие грамоты, ни прочие документы. В конце XIX века среди документов, ещё хранившихся в приходе Рождества Богородицы, первый исследователь истории монастыря И. И. Бриллиантов нашел лишь пять документов, но среди них не было ни одной храмозданной грамоты. Скорее всего, после изъятия основных земельных владений монастыря в 1764 году, интерес к документам, подтверждающим права монастыря, был утрачен, перечислять их в описях не было нужды. Часть архива была вывезена сразу, а остальная – между 1767 и 1775 годами. Но в Ферапонтовом монастыре

сохранились доски, рассказывающие о вкладчиках строительства каменных зданий. Первая – на стене трапезной палаты Благовещенской церкви (она является второй по времени после собора Рождества Богородицы каменной постройкой Ферапонтова монастыря). Строительство Трапезной палаты с зимней церковью Благовещения связывается исследователями с великокняжескими пожертвованиями, последовавшими после посещения Белозерья в 1528 году Василием III, приезжавшим сюда на моление о даровании наследника. Летопись, вырезанная на храмозданной доске, вмонтированной в стену трапезной палаты, гласит: «Ле (та) ЗЛИ(7038=1530) го (да) почата бы (сть) сия ц (е) рк (о) въ делати, в имя пр (есвя) тья б (огороди) ци ч (ес) тн (а) го ея бл (а) говещения с трапези, при бл (а)говерн(о)м великом кн(я)з(е) Василе Ивановиче всея Руси, при архиеп (и) с (ко) пе р (остовск(о) м Кириле, при игумене ферапо (н) товскомъ Ферапонте. А съвершена быс (ть) при с (ы) не его при великомъ кн (я) зе Иване Васильевиче всея Рус (и). А (о) с (вя) щенна быс (ть) при архиеп (иско) пе Кирилле, при том же игумене Ферапо (н) те, лета ЗМ (7040=1531)го (да) ноября КА (21) на празн (и) к пр (е) ч (и) стые б (огороди) ци ч (е) стнаго ея введения» [2, стр.101].

Следующая запись о строительстве и вкладчиках находится на храме преподобного Мартиниана. Резная надпись сообщает о возведении его в 1640–1641 годах: «Лета 7148 года зачата бысть сия церковь во имя преподобного отца нашего игумена Мартиниана, при благоверном царе и великом князе Михаиле Федоровиче всеа Руси, и при благородном царевиче князе Алексее Михайловиче, и при митрополите Варламе Ростовском, и при игумене Герасиме, и при старце Митрофане, а совершена бысть церковь сия во 7149 (1641) году августа 1 дня» [2, стр.200–201]. В настоящее время плита вмурована в кладку пристройки 1836–1838 годов, но изначально она, вероятнее всего, была установлена на наружной западной стене церкви, справа от входа.

Сохранившееся уникальные храмозданные доски Ферапонтова монастыря компенсируют отсутствие храмозданных грамот и дают нам представление о

времени строительства и формирования сохранившегося архитектурного ансамбля.

Список литературы:

1. Валеев Э.Н. Храмовые грамоты Вятской губернии как источник изучения Российского государственного строительства в Волго-Вятском регионе в XVI-XVIII веках. Ученые записки Казанского государственного Университета. Казань. Т. 152–2010

2. Серебрякова, М.С. О некоторых особенностях архитектурного ансамбля Ферапонтова монастыря XVII века // Источники по истории реставрации и изучения памятников русской художественной культуры. XX век. М., 2005. С. 215–224.

3. Федорова, О.А. Храмовые грамоты и проблема истории шатровых храмов в XVII веке // Искусство христианского мира. М., 2005. Вып. IX. С. 224–236.

4. Федорова, О.А. Храмовые грамоты, выданные на строительство в Московском Кремле, и архитектурная регламентация во второй половине XVII века // Материалы и исследования / Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры « Государственный историко-культурный музей-заповедник „Московский Кремль“»; Выпуск XXIII – М., 2015. С. 160–163.

5. Ильин, М.А. Каменная летопись Московской Руси. Светские основы каменного зодчества. М, 1966. Воронин Н.Н. Очерки по истории русского зодчества XVI –XVII веков. М, Л, 1934.

6. Иконников А.В. Тысяча лет русской архитектуры. М, 1990.

Н.А. Чистякова,
экскурсовод II категории,
ФГБУК «Кирилло-Белозерского историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника»
филиала «Музея фресок Дионисия»

E-mail: ferapontovo-mfd.excurs@mail.ru

www.kirmuseum.org